

Милан Узелац,
д-р философии, профессор
(университет в г. Нови Сад,
Сербия)

Проблема «контекста европейской культуры»
и «места» русской философии в ней

Проблема, вынесенная в название конференции, при всей своей социокультурной и исторической актуальности имеет давнюю традицию. Отношения России и Европы, русской и европейской культуры более двух веков занимают передовые умы России. Сформировавшиеся в 19 веке течения западников и славянофилов открыли спор, который для России, похоже, остается вечным и неразрешимым. Однако его нельзя назвать бесплодным. Он показывает, что на одну и ту же проблему *в России* смотрят с разных точек зрения. Мне бы хотелось это подчеркнуть: *именно в России*.

Чтобы пояснить сказанное, я позволю себе обратиться к примеру современного состояния в отношениях Сербии и Европы. Для справки напомню, что с конца 80-х – начала 90-х годов 20 века на карте Европы появилось в прямом смысле белое пятно – это территория теперь уже несуществующего государства – Социалистической Федеративной Республики Югославии. Такая история с географией стала результатом «праведного осуждения» со стороны мировой демократической, включая и европейскую, общественности действий самостоятельного и суверенного государства, одного из основателей ООН, по защите своих внутренних интересов от действий политических сепаратистов. Границы этого пятна в результате трагических событий, коснувшихся и православных сербов, и сербов-мусульман, и сербов-католиков, постепенно менялись, пока, наконец, не обрели окончательную форму – границ современных Сербии и Черногории. Европа, вдохновленная победой демократии в Хорватии, изгнавшей полтора миллиона православных сербов с их вековых родовых территорий, в Македонии, в Словении, забыла о нашем существовании, оформив свою старческую забывчивость политическими, экономическими, гуманитарными санкциями, вплоть до начала воздушной войны против новой Югославии в марте-июне 1999 года. После 77 дней бомбежек и поражения, политического и что самое страшное – нравственного, которое потерпела Югославия, в нашей «демократически обновленной» в октябре 1999 года стране возникло невероятное социально-политическое явление. Отторгнутые и вычеркнутые из Европы сербы, с демократами во главе, решили стать европейцами.

В этой связи для меня «европейский вопрос» переходит в иное русло. Понятие «Европа» имеет по меньшей мере четыре значения: географическое, геополитическое, экономическое и духовное. Если иметь в виду Европу как географическое понятие, то дорога в Европу представляется мне, сербу, полной бессмыслицей. С географической точки зрения Сербия всегда была в

Европе, как и Россия. Никому из живущих в Греции или Польше, Венгрии или Румынии не придет в голову размышлять о том, находится ли его страна в Европе и является ли он, помимо того, что он грек, поляк, венгр или румын, европейцем. Почему же в Сербии самым серьезным образом ставится вопрос: находится ли Сербия в Европе? Откуда это сомнение? Очевидно, что речь идет о чем-то совсем другом, не «географическом»: существует ощущение некой разницы, наличия мира, к которому мы не относимся (*или нас не относят?*), но в который нам необходимо войти, потому что в противном случае мы навсегда останемся существами четвертого сорта.

Сторонники «срочного переселения», описывая европейские блага, обычно подчеркивают «врожденный» примат закона, демократии, экономического благосостояния и справедливости. Наши «европеисты», имея в виду европейскую экономику, видят в Европе обетованную землю, Эльдорадо, где их только и ждут. Их основная беда состоит в том, что большинство из них имеют серьезные пробелы в образовании и никогда в жизни не читали Вольтера. Поэтому и не понимают они, что хороших мест на земле сколько угодно, но они ни сотворены, ни предназначены для нас. Наши «европеисты» не понимают, что европейская экономика обладает своими стандартами, созданными на основе ей отвечающих критериев и существующими как защита ее интересов, а не интересов других. Что-то может и должно существовать только благодаря наличию некоего другого, и совершенно очевидно, что Европа существует исключительно за счет этого другого (дешевая рабочая сила из третьего мира и выведение вредных производств за границы ЕС). В европейской экономике не существуют свободные торгово-промышленные ниши. Уровень промышленного производства Сербии таков, что ей нечего предложить Европе, но даже если бы и было что-то (например, малина), обмен осуществлялся бы на условиях, выгодных Европе. То, что Европа от нас действительно ожидает, так это то, что мы станем местом для вывоза второсортных товаров, а наш голод поглотит товарные излишки или товары с критическим сроком годности, и таким образом в период рецессии мы будем способствовать развитию промышленного потенциала Европы (особенно после того, как до конца уничтожим собственную промышленность, как это уже сделали некоторые наши географические соседи).

Вхождение в любое общество, в любой другой мир предполагает и согласие с правилами и нормами, по которым тот, другой, мир живет. Точно также вхождение в Европу требует принятия существующей системы ценностей и изменение (в лучшем случае – частичное) собственной системы ценностей. Это ни в коем случае не значит, что у нас нет некой своей системы ценностей. Но то, что с нами происходит, ясно указывает на то, что существует весьма «необычный» подход к качественной оценке самих этих систем. Сложившийся в европейском сознании за последние два десятилетия стереотип восприятия сербов, включая младенцев, женщин и немощных стариков, как «плохих парней», бандитов и насильников, определяет

характер европейской политики по отношению к Сербии¹. Эту политику, следуя дипломатической терминологии, можно назвать политикой двойных стандартов, а можно просто шантажом. Сербский политический бомонд не морщась принимает априорно уготованную нам просвещенной Европой роль «мальчика для битья» и готов исполнить следующие требования: Сербия может войти в Европу, но после искоренения мафиозных структур и организованного криминала (*поскольку в Европе мафии и организованного криминала нет*); Сербия может войти в Европу, но после уничтожения каналов наркоторговли (*поскольку в Европе нет наркотрафика, наркотиков и наркоманов*), Сербия может войти в Европу, но только после выдачи всей политической верхушки режима Милошевича как военных преступников (*поскольку в Европе политики выглядят не иначе, как «милосердные ангелы»*).

Этот совершенно нефилософский экскурс сделан мною только с одной целью – напомнить о балканском сценарии развития современной российской истории, а заодно сместить акцент в «европейскую» часть нашей проблемы. Я уже сказал, что вопрос о месте России в Европе задают себе только в России. А о чем думают европейцы?

В своей знаменитой Венской лекции «Философия в кризисе европейского человечества»² (7 и 10 мая 1935 года) Эдмунд Гуссерль определил, что под названием Европа мыслится единство духовной жизни, деятельности и творчества, со всеми целями, интересами, заботами и трудами, ценностными достижениями, институциями, организациями, и уточнил: *в духовном смысле Европе со всей очевидностью принадлежат английские доминионы, соединенные штаты и т.д., но не эскимосы или индейцы, участники ярмарочных балаганных представлений, или цыгане, которые бродят по Европе*³. Единственный вывод, который может следовать из этих слов, может быть таким: существует «европейская духовность» и существует «европейский балласт». И тут мы оказываемся перед крайне неприятным вопросом: а где, с точки зрения просвещенного европейца Гуссерля и его европейских потомков, находимся в этой «системе координат» мы, «плохие парни» сербы, и вы, русские? Восторженный романтик Гердер, пророчивший славянам великое будущее, выглядит немного бледно в свете суровой правды истории 20 века.

В уже упомянутой Венской лекции, Э. Гуссерль заметил: европейские нации больны. Европа – в кризисе. Кризис, о котором идет речь, сам философ тогда понял как очевидное поражение рационализма. Европейский мир рожден из идеи разума, т.е. из духа философии. Неудача современной мыслителю рациональной культуры – это следствие способа, которым

¹ При этом никто в Европе почему-то не соотносит с понятием «Сербия» и «серб», «сербка» такие имена, как Никола Тесла, Михайло Пупин, Момчило Миланков, Бранислав Нушич, Милева Марич.

² Позднее эта работа была опубликована под названием: Husserl, E.: „Die Krisis des europäischen Menschentums und die Philosophie“, in: Husserl, E.: „Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie“, Hrsg. W. Biemel, Husserliana Bd. VI, M. Nijhoff, Den Haag 1962, S. 314-348.

³ Husserl E. Op. cit., S. 318-319.

манифестировался, точнее, реализовался *ratio*, последствие его внедрения в натурализм и объективизм.

Гуссерль считал, что кризис европейской экзистенции имеет два выхода:

- гибель Европы в отчуждении от собственного рационального смысла жизни, распад в нетерпимости к духовности и падение на уровень варварства;

- возрождение Европы из духа философии через героический дух, который наконец возьмет верх над натурализмом.

При этом Гуссерль предостерегал Европу от *страшной опасности*, которую видел в *усталости* Европы.

Смогла ли Европа воспользоваться рецептом возрождения, данным ей в 1935 году? К сожалению, ответ на этот, скорее риторический, вопрос - негативен. Сумей она возродиться, не было бы ни Второй мировой войны, ни бомбардировок Сербии.

Сегодняшнее состояние ситуации с мощными атаками постмодернизма на идею *ratio* указывает на то, что позитивных перемен в Европе нет и донныне. Ее состояние остается таким же, каким оно было и в начале 20 века. Кризис Европы, как и кризис европейского духа, не преодолен. Он только лишь замаскирован и принял облик скрытых течений. Под угрозой оказалась идея ответственности. Тот, кому дозволено все, не может и не должен быть ответственен ни за что. Тот, кто сильнее всех, тот, кто перекраивает карту мира, не может быть судим. Всякая полемика с логикой силы завершается в просветительском морализаторстве.

Но перед нами по-прежнему стоит вопрос: куда же мы стремимся? Ответ один: в Европу! И уже в который раз становится ясно, что мы ничему не научились. Европа имеет свои ценности и свои представления о жизни. Но соответствуют ли им наши ценности и наши представления⁴? Есть ли у этой и такой Европы позитивный интерес к нам? Снова можем дать только негативный ответ.

При этом мы с трепетом и благоговением относимся к культурным ценностям Европы: знаем основы основ европейского духа – греческую мифологию и греческую философию; понимаем итальянское и испанское искусство, немецкое и голландское, английское и французское; отдаем должное научным достижениям европейцев. Но задавали ли мы себе когда-нибудь вопрос о том, почему мы всегда говорим о «европейской» культуре как о чем-то недостижимо возвышенном и прекрасно «далеком», к чему необходимо стремиться, напрягая все силы истерзанной сомнениями и

⁴ Существовавший и существующий интерес западной Европы к России скорее происходит из ксенофобии как своеобразного облика самосохранения перед лицом неизвестного. «Путевые заметки» и серьезные исследования в итоге создают образ России и русских, далекий от образа «доброего соседа» и «хорошего приятеля». Крайне показательным, например, является далекое от политики и идеологии исследование А. Вежбицкой «Язык. Культура. Познание» (1996), в котором в качестве основных характеристик русского языка, а следовательно, и культуры, выступают «эмоциональность», «иррациональность», «неагентивность», «любовь к морали», соответствующие главным концептам русской культуры – *душа*, *тоска*, *судьба*.

вечными вопросами «восточной» души. Сказал ли кто-нибудь из нас своим студентам, что великому Леонардо - Светочу и Гению - прежде всего платили за то, что он создавал военные машины для уничтожения людей? Боюсь, что нет. Наша «восточная» природа запрещает нам жить без иллюзий. Западному прагматику все равно: и Джоконда, и «косилка», подрезающая ноги солдат противника, одинаково принадлежат Леонардо. В глазах западных прагматиков орудия убийства, изготовленные *uomo universale*, не умаляют его величия. А для нас? А для нас – «гений и злодейство – вещи несовместные»... И обмануть нас не сложно: мы сами рады обманываться.

Однако будем справедливы к самим себе: и мы имеем законное право рассчитывать на то, что и те, кто принадлежит к европейскому духу, знают и ценят творения нашей культуры, что они могут позитивно ответить на наше приглашение к диалогу культур: уровень шедевров Грачаницы и фресок Рублева никак не ниже уровня Сиены и Равенны. Но «усталая», незаинтересованная Европа спокойно созерцает и даже поддерживает (через посредство своих «администраторов») уничтожение православного культурного наследия на Косово. Делается это по двум причинам: или потому что Европа *не может* осознать это как ценность, или потому, что *не хочет*.

Мы должны понять раз и навсегда: культура и искусство православной Европы не значат ничего для Европы католической и протестантской. И это, в сущности, не ошибка или злонамеренность. Видится не то, что видно, а то, что человек научился видеть. И здесь нужно понять: католическая и протестантская Европа обучена нас не видеть. А если и видит, то словно в кривом зеркале, или же - с «замерзшим» сердцем. Не нужно быть историком искусства, довольно лишь открыть любой западный учебник по истории искусств⁵ и увидеть, что в нем нет ни одной серьезной главы о культуре и искусстве православной части Европы. Таким образом формируется сознание Западной Европы о православной Европе. И эта тенденция наблюдается в течение целой истории существования двух Европ. Православный свет на мировой культурной карте и сегодня показывается как белое пятно.

И совсем не может быть утехой то, что таким белым пятном в средние века была почти вся Европа. К той Европе уже не относились ни Афины, ни Константинополь, ни, тем более, Дамаск, хранившие духовное наследие минувшей эпохи. О предках современных европейцев свидетельствуют факты из того далекого прошлого. Так, Тацит в «Германии» пишет: «Намного легче уговорить германца вступить в войну и биться с неприятелем, чем заставить его пахать землю и ждать, что она принесет ему» (§ 14); «у германцев звон оружия – лучшее выражение одобрения» (§ 11), поскольку «они не могут жить в мире» (§ 14). Кто эти европейцы, о которых свидетельствует история? Развитие их жизни и их лица достоверно показаны на картинах Брейгеля Старшего и Босха, а их властелины – на полотнах

⁵ См., например, Gombrich E.-H. The Story of Art. – London, 1950.

Гойи. Нам, привыкшим к ликам с фресок Студеницы⁶ и Милешевы⁷, Манасии⁸ и Грачаницы⁹, нам, обладающим более чем восьмисотлетней культурой и опытом государственности, начиная с 12 века н.э., которую во всей мощи представляет монастырь Хиландар на Афоне¹⁰, такая Европа должна казаться немного странной.

Вернемся снова к Эдмунду Гуссерлю и его идее возрождения Европы. Но возьмем под сомнение его утверждение, что родиной духовной Европы была Древняя Греция. Всякий мало-мальски образованный человек знает, что под понятием Европа подразумевается географическое пространство, сформированное в 11 столетии во времена Карла Великого; речь идет о романо-германской, католико-протестантской Европе (о чьем *экономическом духе* позднее писал М. Вебер, и которая проявляла себя в религиозных войнах, создании инквизиции, индекса запрещенных книг, изобретения гильотины и газовой печи).

Неграмотная и дикая средневековая Европа могла понимать только законы силы и ее конкретные проявления, тогда как всякое существование духа предполагало, как тогда, так и сейчас, наличие не только материальные, но и духовные потребности. Различие между романо-германским Западом, представленном сегодня в образе атлантизма, и духовным, православным Востоком никогда не стиралась и никогда не могла исчезнуть: Восток не погиб в материальном, а Запад не смог подняться на уровень подлинного духа.

Если же говорить о *духовных истоках* Европы, как западной, так и восточной, то они берут свое начало в Греции 7 и 6 веков до н.э.¹¹, когда рождается новый вид отношения индивида к окружающему миру. Тогда же появляются и духовные достижения абсолютно нового вида. Совсем определенная Культура. Греки использовали выражение *философия*. Философия была прафеноменом духовной Европы. Речь идет о новом стиле жизни, который через любовь к идее создает идеалы и идеальные нормы жизни. *Философия - это философская жизнь, новый облик культуры*¹².

Это означает, что Европа может существовать только в том случае, если обладает *энтелехией*, которая проникает через ее преобразование и дает

⁶ Монастырь Студеница заложен в 1190 г. Стефаном Неманей, основателем сербского средневекового государства. Является самым крупным монастырем Сербской Православной церкви на территории Сербии. Хранит бесценные коллекции византийской живописи 13-го – 14-го веков.

www.unesco.org/whc/sites/389.htm

⁷ Монастырь Милешева был основан сербским королем Владиславом, сыном короля Стефана

Первовенчанного, приблизительно в 1234 г., после вступления на престол. www.uzice.net/mileseva/

⁸ Монастырь Манасия был основан сербским деспотом Стефаном Лазаревичем. Церковь Святой Троицы была воздвигнута и расписана между 1409 и 1418 гг. www.blago.serbianuniti.net/Archives/Manasija

⁹ Монастырь Грачаница, основанный около 1315 г., строился на пожертвования сербского короля Милутина. Главный храм – пятиглавая крестово-купольная церковь Благовещения (1315 – 1321гг.) воздвигнута на руинах храма 13 века, стоявшего на месте раннехристианской трехнефной базилики 6-го века.

www.kosovo.com/gracanica.html

¹⁰ Монастырь Хиландар один из старейших монастырей на Святой Горе, основан в позднем 10 веке. С 12 века принадлежит Сербской Православной церкви. Сокровищница сербской духовной культуры.

www.rs.risjak.net/chilandar/

¹¹ Husserl E. Op. cit., S. 321.

¹² Husserl E. Op. cit., S.332-333.

смысл ее развитию. Истинная задача Европы – развитие духовной гуманности, задание, которое никогда не может быть выполнено до конца.

По сравнению с изменяющимися обликами культуры, в основе которых лежит прогрессивное развитие (ремесла, способы обработки земли, образы жизни), философия обладает другим способом существования; ее достижения непреходящи, в ней существует идея бесконечного задания.

У греков появляется определенный универсальный (космологический) интерес к миру. Греки пытаются создать теорию, последняя подразумевает *epoché* целостной природной практики. Здесь же выдвинута и утверждена и идея университета: межличностная связь наставника и ученика, формируемая вокруг одного и того же задания: узнавание и исследование, которые переносятся из генерации в генерацию и которые составляют способ жизни. Речь идет о созидании критической универсальной позиции о создании отношения к целому. Это подразумевает всеобщее продумывание эмпирии, анализ всеобщей эмпирии с т.з. идеальных норм. Развивается дух свободной критики, направляемый бесконечными задачами, который создает новые бесконечные идеалы. На основе этого свободного разума, проникновения в универсальную философию становится возможным формировать не только самого себя, но и человеческое сознание, политику, социальную экзистенцию человечества.

Что имеется в виду, когда говорится о *контексте*? К проблеме контекста можно подойти достаточно просто и однозначно. Например, ссылаясь на опыт изучения философии отдельными русскими мыслителями, или определяя формы и виды влияния учения того или иного европейского философа или целого течения на учения русских философов и наоборот, или указывать на общие проблемы, к решению которых пришли «автономно» русские философы и европейские.

Если речь идет о некоем пространстве, пространстве, которое очерчивает границы *чего-то* и одновременно дает *чему-то* смысл, то в связи с постановкой «проблемы «контекста европейской культуры» и «места русской философии» в ней», открывается вопрос: является ли частью этого контекста русская философская мысль? Она является его частью, если принадлежит европейской философии, и она не является ею, если носит совершенно автономный характер. Тезис об автономности русской философии поставить и защитить практически невозможно, поскольку целый ряд вопросов, которые составляют ядро ее истории, одновременно являются основными вопросами всеобщей истории философии.

Точно также, если контекстом европейской культуры охватывается и русская культура, мы попадаем в ситуацию, в которой русскую философскую мысль в контексте европейской культуры необходимо рассматривать как философию в контексте русской культуры. Утверждать, что существует русская философия вне европейской или точнее русской культуры, значит, с одной стороны, поставить вопрос *русской* философии (т.е. по каким признакам она вообще русская), а с другой – поставить вопрос

русской *философии* (т.е. ставится вопрос природы самой философии как философии).

Каков тот контекст европейской культуры, к которому «русская философия» должна была бы иметь отношение? Чтобы определить, какие ценности определяют европейскую культуру, мы должны вернуться к «европейскому» в европейской культуре. Если речь идет о том, что составляет пространство ценностей¹³ романо-германского мира (речь идет о объединении протестантской этики и германского стремления к насилию, поддерживаемого англо-саксонским императивом доминирования над другими), русская философская мысль не может существовать в этом пространстве без противопоставления обновлению варварства, о котором говорил стареющий Гуссерль.

Таким образом мы подходим к проблеме человека. Эта проблема, которая была важна для Канта до той меры, что он философию видел как философскую антропологию, представляет собой основной вопрос совокупной *русской* философии. Именно здесь можно было бы развить тезис о специфичности «русской» философии, поскольку человек есть центральная тема практически все работ ее представителей. Однако философия нового века, кроме проблемы человека, которую немецкая классическая философия рассматривает как центральную, открывает, или, скорее, *развивает*, наряду с другими проблемами, *полученными в наследство*, проблему природы, или, если бытию совсем точным, - проблему мира в целом. Это последнее особенно ясно выделяется в западной философии в начале 20 века, но эта проблема никогда не покидала мыслительного пространства русских мыслителей. Мир и человека они всегда видели как единое, как части одного и того же творения – божественного творения. Таким образом, на первый план выходит вопрос о природе твари, творения как процесса и результата и о Творце. Но это – основной вопрос и Аристотеля, и Фомы Аквинского, и всех русских мыслителей.

Рассматривая вещи таким образом, мы поворачиваемся к вопросу *сути* самой философии. Если мы хотим дать на него ответ, исходя из всей философской традиции, мы должны сказать: *философия едина*. Не может существовать русская, немецкая или сербская философия, европейская или не-европейская, может существовать лишь *Философия*, в чьем развитии и созидании участвуют все мыслители всех времен, в соответствии со своими возможностями и своим талантом (если он им дарован).

Философия едина, когда имеются в виду ее проблемы и ее вопросы, однако она может быть различной (русской, немецкой, англосаксонской), если речь идет о подходах к философским проблемам и вопросам. История и культура определенного народа существенно определяют ответы на философские вопросы. Только в этом случае можно говорить о разных «философиях».

¹³ Говоря о европейских ценностях, нужно понимать, что существующее представление о них – результат пролонгированного действия романтических историографических идей 19 века, сложившихся в Германии

Каждая философия определена как предметом мышления, так и языком, на котором этот предмет мыслится, поскольку категориальный аппарат представляет собой выражение самой структуры языка. Известно, что структура античной метафизики есть следствие грамматической структуры греческого языка. Это ясно видно уже при чтении «латинизированных» переводов греческих текстов (я говорю о тех переводах, например, в которых используются термины «субстанция», «акциденция», «каузальность» в текстах Аристотеля, что по меньшей мере странно, если учесть, что Аристотель не знал латинского¹⁴). Совершенно ясно, что жизнь определенной философии в значительной мере зависит от возможности ее адаптации в определенном языке, и поэтому считается, что философия может существовать на том языке, на который можно перевести «Метафизику» Аристотеля и «Бытие и время» М. Хайдеггера.¹⁵ Ведь каким бы образом ни были переведены эти сочинения (всегда существует возможность сделать более глубокий, точный, полный и т.п. перевод), их перевод создает определенную терминологию, в которой пребывает мысль философии.¹⁶ Сегодня, зная о вековых философских традициях в России, нельзя обойти тот факт, что философия говорит и на русском языке. Но, разумеется, нам должно быть ясно, что к вечным проблемам философии необходимо подходить в широком смысле аутентично: и из бытия философии, и из бытия собственной культуры. На этом последнем необходимо настаивать, с тем, чтобы философская мысль, существующая на русском языке, не растворилась в чуждых ей обликах видения света. Иными словами: задачей философии в России не может быть «вхождение» в «европейский контекст», «подхватывание» «европейского контекста», в основе которого лежат другие представления и методы решения философских проблем, поскольку в этом случае философской мысли в России грозит опасность потерять то, что составляет ее основу и что делает ее прямой наследницей греческого духа, жившего без исторических пауз вплоть до времени Григория Паламы именно на Востоке, в Византии.

Все это одновременно означает, что вся современная «западная» философия существует под знаком проблематичности своего существования; ее надежды выйти из кризиса, который десятилетиями ее потрясает, могут быть связаны с обращением к главным ценностям русской философии, к

¹⁴ Здесь можно только указать на существование понятийных, смысловых ошибок и недоразумений как последствий перевода греческого «ousia» словом «substancia» (во всяком случае, на сербском языке).

¹⁵ Гегель был в чем-то прав, когда утверждал, что философия говорила на греческом и латыни, а теперь говорит и на немецком. Мысль крайне продуктивна для анализа «языковых» возможностей философии.

¹⁶ Крайне проблематичным представляется вопрос о том, в какой мере исконная мысль сохраняется, а в какой она «приводится в соответствие» культуре и традициям определенного языка. Это становится ясно, когда речь идет, например, о переводах М. Хайдеггера на английский язык. Мысль Хайдеггера становится крайне «здороворазумной», но при этом и крайне одномерной, вследствие невозможности адекватного перевода множества важнейших дистинкций (которые, в сущности и составляют оригинальность и величие этого мыслителя); трудности начинаются уже при переводе Sein, не говоря уже о производных понятиях, основанных на этом базовом понятии. Философы зачастую не сознают того, насколько они «определены», «оформлены» языком, которым они «связаны» с философией: можно быть и сербом, и русским, и японцем, но, рассуждая о проблемах немецкой философии в ее категориях и понятиях, невольно становишься частью немецкой философии. В этом случае национальная принадлежность философа уже не играет никакой роли.

возможности с их помощью преодолеть тяжелую болезнь аполитичности. Стерильный прагматизм западного мышления и дешевые попытки бегства в идеологическую нейтральность, который обнаруживается, например, в аналитической философии, может быть превзойден только глубинной рефлексией о всемирной отзывчивости человеческой души.

Западноевропейскую философию от Аристотеля до Гегеля определяет категориальный аппарат, сформулированный в трудах Аристотеля - «Метафизика», «Физика», «Категории». Поэтому нисколько не случайно, что до конца 19 столетия фрагменты досократовцев интерпретировались скорее как литературные, нежели философские тексты. Только после Ницше и Хайдеггера философскую мысль досократовцев начинают рассматривать в совсем ином свете: становится ясным, что одинаково возможно мыслить и в картинах, и в понятиях. Не случайно, что позднее Хайдеггер говорит о конститутивных структурах (фундаментальных экзистенциалах), а Ойген Финк (Eugen Fink) о основных феноменах.

Философской мысли начала и конца философии намного ближе именно русская философия: она все время сохраняет поэтический и эпический характер мышления (что делает ее очень близкой античному способу мышления), последствием чего становится возможность находить истинную философию в романах Достоевского и Толстого, Гоголя и Набокова. Осознанно или неосознанно современная западная философия, правда, с некоторым опозданием, оказалась в той же ситуации: довольно обратить внимание на работы Сартра, Камю, Унамуно или Ортега-и-Гассета. Зададим себе вопрос: где философия Сартра достигает своих вершин – в его строгих философских работах или в прозаических и драматических текстах? По моему глубокому убеждению, для философии экзистенции наибольшее значение имеют драмы и проза Сартра, а не его философские работы, где он развивает основные идеи экзистенциализма.

Ситуация становится намного сложнее, если принять во внимание, что практически каждый русский философ, желая более точно и совершенно выразить свою философскую мысль, создавал собственную терминологию, наполняя устоявшиеся понятия совершенно специфическими значениями (достаточно обратиться к примеру Соловьева). Нечто подобное мы находим у западных постмодернистов, однако это «подобие» не имеет сколько-нибудь значимых результатов, поскольку предмет их размышлений вследствие идеологической окрашенности, обусловленной актуальными политическими событиями, крайне эфемерен.

Только основание философии остается постоянным и неизменным, поскольку оно не принадлежит этому миру.

Различия между «философиями» отдельных философов отражаются в различии круга тем, которые они видят как центральные. Если иметь в виду философскую мысль русских философов последних двух столетий, можно сказать, что круг их тем шире тематических кругов, которые развивались на других географических пространствах. Современное положение вещей является прежде всего отражением культурного доминирования

определенной культурно-языковой традиции, и я склонен к тому, чтобы рассматривать современные модные течения в философии (прежде всего, в Германии и во Франции) как следствие пагубного воздействия современного культурного империализма, но ни как выражение реального положения дел.

Если на Западе не знают работ Лосева или Мамардашвили, Франка или Шпета, то это не значит, что эти работы не существуют (совсем другой вопрос – существуют ли они по-настоящему, адекватно своему истинному значению, если не оказывают никакого влияния на философскую мысль). Дело не в том, что их не знают, дело в том, что их не хотят знать или связывать с русской философией. Природа и причины игнорирования трудов русских мыслителей как и игнорирование русской культуры в целом – это тема, которую необходимо рассмотреть пристальным образом, эта тема, которую предстоит осмыслить, чтобы отказаться от некоторых иллюзий, касающихся «общих интересов» и «партнерства», особенно в культуре и философии.

Принято считать, что наше время – время постмодернизма или постпостмодернизма. Но что это значит? - Теории о конце идеологии, истории, человека?.. Но при этом очень многие не хотят видеть их философскую стерильность и идеологическую подоплеку, не замечают, что единственный смысл таких «философских» подходов – провозглашение отказа от ответственности. Принцип ответственности – это тот существенный момент, глубоко укорененный в православном духе, который и является камнем преткновения для философии постмодерна, стремящейся убрать его со своего пути. Речь идет о «философии», в которой все понятия «плавают», в которой возможно все и в которой отсутствие принципиальности утверждается как наивысший принцип. Чего можно добиться культивированием и «развитием» такой «философии»?

Если в какой-то момент, в середине 20 столетия и имела смысл попытка найти альтернативу господствующей модели мышления, то мода, в которую превратилось такое мышление «ради самого мышления», привела и приводит до сих пор к пагубным последствиям, - и не столько для философии, сколько на плане всей современной культуры. Было необходимо совсем мало времени, чтобы постмодернистские стратегии расширились на все области жизни культуры, вызвав глубочайшие перемены в системе ценностей. Ценности «западного» света, сотворенные Голливудом и иллюзией свободы и всеобщих возможностей, внедрены в сознание как планетарные ценности. Не поэтому ли идея о возрождении всех живших на земле душ не рассматривается ни в каком виде, даже в виде утопии? В ней, очевидно, нет прагматизма, поэтому она не ясна и сомнительна...

Существует ли альтернатива? Существует. И даже в том случае, если скептики зададутся вопросом: в какой мере она приведет хоть к какому-нибудь результату? Господствующему мышлению необходимо противопоставить альтернативный ответ, и прийти он должен из пространства философии. Но это не может быть ни философия прагматизма,

ни англо-саксонский неопозитивизм. В еще меньшей степени для этого подходит философия, которая дает возможность любому пожелавшему создавать свою собственную философскую систему, чему примером служит философия постмодернизма, - чистая профанация философии как таковой.

Избежать падения в релятивизм – великая задача. Релятивизм всегда был для философии большим искушением, как впрочем и предметом великих споров – для Сократа и Платона, для Канта и Гегеля. Выход всегда мог быть найден только в «абсолютизме» духа, но никогда в абсолютизме материального или абсолютизме власти (сегодня тождественных понятий и явлений).

Я вижу выход в создании альтернативных пространств, в которых бы дух был освобожден от всех утилитарных злоупотреблений. Необходимо создание духовных миров, в которых можно прожить обычную жизнь, наполненную человеческими радостями и горестями. Это - пространство, созданное по мере конкретного человека и его способностей, по мере его возможностей понимания жизни, по мере его способности к любознательности. В такой ситуации задача философии – мыслить конкретный мир и смысл жизни в нем, поддерживать ценности, которые создает не культурная индустрия, а глубина человеческого существа. Здесь не идет речь о некоей утопии, здесь говорится о возможной альтернативе тоталитарному мировому порядку¹⁷. Защита человеческого, «людского» возможно только через противопоставление нечеловечности, которая лежит в лоне постмодернизма. Это не конец человека (как некоторые думают), это конец одного определенного понимания человечности, которое, правда, никогда и не принадлежало миру православных ценностей.

Способность сохранения дистанции к различным «философам» и школам», критичность, прежде всего, были важнейшими чертами русского подхода к осмыслению философских основ культурных феноменов уже в 19 веке (Киреевский, Данилевский и все те, кто с дистанции относился к «западникам»). Этот критический дух слабел в некоторые моменты в 20 веке, особенно когда доминировала необходимость соответствовать рамкам некоторых моделей мышления, чуждых православному духу.

Так мы подходим к вопросу коэкзистенции различных моделей мышления (по меньшей мере двух), вырастающих из двух различных культурных контекстов. Возможна ли эта экзистенция? Может ли протестантская модель мышления и система ценностей признать существование в своей непосредственной близости православного мира? Очевидно, нет, если принять во внимание последние события на Балканах.

Этот негативный опыт не означает, что не нужно вновь рассмотреть возможности диалога (принимая во внимание традицию диалогизма в современной философии), который сам по себе не имеет альтернативу, несмотря на то, что сам диалог не находит ответ. Принцип

¹⁷ Не надо смешивать привычные идеологические штампы типа «советского», «китайского», «германского» тоталитаризма и т.п. с явлением совсем другого масштаба и других характеристик.

интерсубъективности подразумевает постоянное поддержание равноправности в Я-Ты отношениях.

Осознание того, что целый Космос представляет собой диалог, что мир с момента возникновения существует в диалоге космических сил, во встрече с мышлением и мышления с самим собой, является для нас тем наиболее ценным, что мы берем с собой в дорогу к вечности. Это то, к чему нас ведут первые поэты, Гераклит и Платон, Филон и Прокл, Кузанский и Бруно, Бубер и Карсавин. А мы, умеющие прощать, должны понимать, но не забывать.

Опыт философствования и православная вера учат нас именно этому.

(Перев. Т.А. Горелова)